

«Зигги Вильциг — человек большой смелости и веры».

Эли Визель, лауреат Нобелевской премии мира

НЕПОКОРЕННЫЙ

Лучшая книга
о Холокосте
(Best of Los Angeles
Award, 2021)



18+

**ОТ ЧУДОМ УЦЕЛЕВШЕГО В ОСВЕНЦИМЕ
ДО ЛЕГЕНДЫ УОЛЛ-СТРИТ:
ВЫДАЮЩАЯСЯ ИСТОРИЯ ЗИГБЕРТА ВИЛЬЦИГА**

Джошуа Грин

Содержание

[Пролог](#)

[Пролог](#)

[1 Обещания](#)

[2 «Сделаем еврейский фарш»](#)

[3 Освенцим](#)

[4 Освобождение](#)

[5 Галстуки и лампочки любви](#)

[6 Тайный брак](#)

[7 «Закрой эту чертову сделку»](#)

[8 Зигги и Голиаф](#)

[9 Дойная корова](#)

[10 Банк, у которого есть сердце](#)

[11 «Я по-прежнему в Освенциме»](#)

[12 Вест-Пойнт](#)

[13 Суперпродавец](#)

[14 Вот это атлет!](#)

[15 Что хочу — то и делаю](#)

[16 «Шмуки» из правительства](#)

[17 Полуночные расчеты](#)

[18 Забастовка](#)

[19 «Миллионы на кону!»](#)

[20 Музей Холокоста](#)

[21 Неподобающее поведение](#)

[22 Непрерывающаяся война](#)

[23 Неподчинение приказам](#)

[24 Строгая любовь](#)

[25 Сохранение памяти](#)

[26 Мечты о невозможном](#)

[Эпилог](#)

[Постскриптум](#)

[Программа Blue Card](#)

[Благодарности](#)

[Хронология](#)

[Библиография](#)

[Фотоматериалы](#)

История Зигги Вильцига — это своего рода переложение истории о Давиде и Голиафе, которое напоминает нам, на что способен человек. Уникальная, захватывающая биография.

*Майкл Беренбаум, в прошлом президент фонда
Визуальной истории переживших Холокост,
бывший глава Мемориального музея Холокоста США*

Одновременно мощный и трогательный рассказ... Зигги стал ролевой моделью на многие века. Фантастическая история успеха.

*Абрахам Купер, раввин, заместитель декана и директор
по глобальным вопросам, Институт социального действия
Эда Снайдера, Центр Симона Визенталя*

У Зигги было сердце чемпиона по боксу. Он атаковал с любого угла, встречал несущие смерть удары, оправлялся от них снова и снова и никогда не сдавался. Вы обязаны прочесть эту книгу. Она отправляет в нокаут!

*Юрий Форман, боксер, чемпион мира по версии WBA
во втором полусреднем весе (2009–2010)*

Зигги понимал истину, которая часто ускользает от экспертов финансового мира: человеческая природа — вот главный фактор, формирующий рыночные тенденции. Для человека почти без образования и без опыта в бизнесе его достижения после освобождения столь же впечатляющи, как и сам факт его выживания. Увлекательное чтение, очень трогательное и поучительное.

*Нуриэль Рубини, профессор экономики и международного финансового
дела, один из ста наиболее влиятельных людей мира (по версии Time),
самый влиятельный экономист в мире (по версии Forbes)*

Учитывая отсутствие у Зигги образования, его достижения в бизнесе кажутся невероятными. Его жизнь была испытанием человеческой выносливости — героическая и исключительная.

Марк Белл, управляющий партнер Marc Bell Capital

Усердный труд, интуиция и вера позволили Зигги Вильцигу после ужасов Освенцима попасть в высшие сферы делового мира. Хотя болезненные воспоминания никогда не оставляли его, опытом Зигги теперь будут вдохновляться другие.

Марк Ледер, соруководитель Sun Capital

Мощная фигура, настоящий боец, всегда стремившийся помогать людям. Человечеству нужны такие люди, как Зигги Вильциг, чтобы мы оставались человечными.

Фрэнк Гварини, конгрессмен США

Зигги Вильциг научил всех нас тому, что необязательно быть жертвой обстоятельств. Я мечтаю, чтобы в нашем мире больше людей жило по его примеру.

Дональд Пейн, конгрессмен США

В этой книге повествуется о стойком человеческом духе и его способности преодолевать самые страшные трудности. Своевременная и захватывающая история для всех нас.

*Кати Мартон, корреспондент ABC News,
лауреат George Foster Peabody Award*

Джошуа Грин

НЕПОКОРЕННЫЙ

ОТ ЧУДОМ УЦЕЛЕВШЕГО В ОСВЕНЦИМЕ
ДО ЛЕГЕНДЫ УОЛЛ-СТРИТ:
ВЫДАЮЩАЯСЯ ИСТОРИЯ ЗИГБЕРТА ВИЛЬЦИГА



Joshua M. Greene

UNSTOPPABLE

Siggi B. Wilzig's Astonishing Journey from Auschwitz Survivor and Penniless Immigrant to Wall Street Legend

Перевод с английского Александра Коробейникова

Грин Дж.

Непокоренный : От чудом уцелевшего в Освенциме до легенды Уолл-стрит: выдающаяся история Зигберта Вильцига / Джошуа Грин ; пер. с англ. А. Г. Коробейникова. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. — ил.

ISBN 978-5-389-21096-7

18+

На основе подлинного материала — воспоминаний бывшего узника нацистских концлагерей, а впоследствии крупного американского бизнесмена, нефтяного магната, филантропа и борца с антисемитизмом, хранителя памяти о Холокосте Зигберта Вильцига, диалогов с его родственниками, друзьями, коллегами и конкурентами, отрывков из его выступлений, а также документов из фондов Музея истории Холокоста писатель Джошуа Грин создал портрет сложного человека, для которого ценность жизни была в том, чтобы осуществлять неосуществимые мечты и побеждать непобедимых врагов. В каждой строке биографии героя этой книги, с честью пережившего «самый темный час в истории» с его тяжелейшими испытаниями, но потерявшего в годы нацизма своих самых близких людей, заключен универсальный, вдохновляющий и подлинно гуманистический смысл.

«Вероятно, такого бизнесмена, как Зигги Вильциг, больше не будет никогда: это единственный выживший узник Освенцима, который бедным и необразованным приехал в Америку и из уборщика фабричных туалетов превратился в президента котируемой на Нью-Йоркской фондовой бирже нефтяной компании и коммерческого банка с многомиллиардным капиталом. То, что ему удалось добиться такого успеха в двух самых антисемитских отраслях экономики послевоенной Америки, делает его достижения еще более впечатляющими. Зигги был неквалифицированным работником, имевшим лишь начальное образование, к тому же иностранцем: он приехал из Европы с 240 долларами в кармане и первый свой доллар в Америке заработал на уборке снега. Все, с кем я беседовал при подготовке этой книги, сходились в одном: никто из них не знал ни одной другой судьбы, напоминавшей судьбу Зигги хотя бы отдаленно. Хотя все опрошенные говорили о его чудесном спасении после многолетних страданий Холокоста, больше всего они подчеркивали то, как ему удалось преодолеть эти трагические события и стать значимой фигурой в американском бизнесе». (Джошуа Грин)

© Ivan Wilzig, 2020

© Joshua M. Greene, text, 2020
© Deborah E. Lipstadt, Ph. D., foreword, 2020
© Коробейников А. Г., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
КоЛибри®

ПРОЛОГ

Я преподаю историю Холокоста уже более сорока лет и часто приглашаю выживших узников выступить перед моими студентами. Среди них был еврей, выросший в Германии и ставший свидетелем подъема Третьего рейха; еврей, попавший в гетто и рассказавший об ужасах жизни там; еврей, выживший в лагере смерти Освенцим¹ и описавший самую жуткую в мире бойню; еврей, которому удалось спрятаться и который рассказывал о тяжелейшей психологической травме из-за разделения с семьей и необходимости присвоить себе новую личность. Какие бы интеллектуальные задачи ни ставили мои лекции, подобные выступления — это то, что мои студенты всегда помнят лучше всего. Многие из них до того никогда не встречали выживших во время Холокоста, и эти знакомства всегда доходят прямиком до их сердца.

Эта книга появляется исключительно вовремя: к сожалению, практически все, чьи рассказы о Холокосте наиболее убедительны, уже ушли из жизни. Вот почему видеозаписи интервью, воспоминания и биографии выживших, таких как Зигги Вильциг, столь важны. Всем, кто выжил в Освенциме, как Зигги, всем, кто видел, как людей пытали, избивали и убивали, есть что рассказать; однако эта книга существенно отличается от большинства других воспоминаний и биографий, что добавляет ей значимости: она описывает и деятельность героя после Холокоста. Каково Зигги было перестраивать свою жизнь? Как ему удалось справиться? Каково ему было растить детей, чьи родственники почти все были убиты в концентрационных лагерях? Как он обрел уверенность,

чтобы сделать все это? Как он смог вновь научиться радоваться? Мог ли он снова поверить в Бога?

То, что произошло с Зигги после освобождения, — неотъемлемая часть чуда его спасения. Не у каждого из тех, кто выжил в темные времена, были средства для того, чтобы начать с нуля: многие потеряли всё и всех. Зигги восстал из пепла; он не сдавался и неуклонно двигался вперед. Безусловно, как и многие другие бывшие узники, Зигги страдал от эмоциональных травм и имел свои недостатки. В конце концов, он был всего лишь человеком. Однако Зигги надеялся оставить след в этом мире, был полон любви к жизни, стремился внести свой вклад — и все это удалось ему наилучшим образом.

Однако его постоянно беспокоила проблема антисемитизма, из которой вырос Холокост, и возникающих реваншистских настроений. Он был возмущен, подобно любому нормальному человеку, угрозой со стороны отрицателей Холокоста. Он опасался, что из-за их пропаганды люди забудут о прошлом и станут жертвами той ненависти, что лежала в основе Холокоста. К сожалению, как мы видим, опасения Зигги были небезосновательны.

Эта биография знакомит читателя со всеми сторонами исключительно интересной жизни героя и заставляет нас восхищаться его достижениями.

Дебора Липстадт, историк, профессор Института новейшей еврейской истории и изучения Холокоста (Университет Эмори)

¹ В этой книге используется традиционное для русскоязычной историографии название комплекса концентрационных лагерей. В мировой практике есть тенденция различать по названию польский город Освенцим и немецкий концлагерь (главный корпус — Аушвиц I, лагерь с бараками, газовыми камерами и крематориями — Аушвиц II, или Биркенау). — *Прим. ред.*

ПРОЛОГ

Вероятно, такого бизнесмена, как Зигги Вильциг, больше не будет никогда: это единственный выживший узник нацистских концлагерей Освенцим и Маутхаузен, который бедным и необразованным приехал в Америку и из уборщика фабричных туалетов превратился в СЕО котируемой на Нью-Йоркской фондовой бирже нефтяной компании и коммерческого банка с многомиллиардным капиталом. То, что ему удалось добиться такого успеха в двух самых антисемитских отраслях экономики послевоенной Америки, делает его достижения еще более впечатляющими. Большинство руководящих постов в акционерных компаниях открытого типа занимают мужчины, родившиеся в Америке, получившие образование в одном из колледжей Лиги плюща, происходящие из влиятельных семей и имеющие степень МВА.

Зигги был неквалифицированным работником, имевшим лишь начальное образование, к тому же иностранцем: он приехал из Европы с 240 долларами в кармане и первый свой доллар в Америке заработал на уборке снега.

Все, с кем я беседовал при подготовке этой книги, сходились в одном: никто из них не знал ни одной другой судьбы, напоминавшей судьбу Зигги хотя бы отдаленно. Хотя все опрошенные говорили о его чудесном спасении после многолетних страданий Холокоста, больше всего они подчеркивали то, как ему удалось преодолеть эти трагические события и стать значимой фигурой в американском бизнесе. Хотя его рост составлял всего около 160 сантиметров, все описывают его мощь и бесстрашие перед лицом грозных

соперников. Один из его бывших коллег за достижения сравнил его с Давидом — воином небольшого роста, который благодаря гибкости и точности поверг гиганта Голиафа и стал царем Израиля, — и предположил, что триумф Зигги над врагами-антисемитами был не менее поразителен, чем победа его библейского прототипа.

Судя по сохранившимся записям публичных выступлений Зигги, он обладал и вдохновенным голосом царя Давида. Ораторские способности Зигги один его бывший партнер назвал «шекспировскими». Например, когда его первым из переживших Холокост пригласили выступить перед офицерами и кадетами в Военной академии США в Вест-Пойнте, его речь, согласно газете *New York Times*, носила «яркий» и «личный» характер: он так красноречиво описывал ужасы Освенцима, что плакали и кадеты, и закаленные ветераны. Его голос, четкий и ясный, несмотря на заметный немецкий акцент, в тот момент дрожал от передаваемых эмоций. Он хорошо понимал, когда поднять палец, чтобы заострить внимание, когда остановиться, когда схватиться руками за трибуну, когда наклониться вперед к слушателям для достижения эффекта интимности. Зигги выступал так же, как жил: всем своим существом проявляя повышенное внимание к деталям и изо всех сил стараясь просветить своих слушателей, и те уходили с этих встреч вдохновленными как этим человеком, так и его речью.

Клиенты, друзья и партнеры по бизнесу описывали его с тем энтузиазмом, который обычно приберегают для мировых лидеров, не скупясь на такие эпитеты, как «незабываемый», «вулканический», «гениальный». Другие называли его «непреодолимой силой природы» и «самым блестящим из всех, кого я встречал». Но никто не забывал добавить в его описание ту черту, которая, как всем было известно, значила для него больше всех остальных: он пережил Холокост.

Хотя представить полную картину всего, что испытал Зигги во время Холокоста, уже было серьезной задачей, еще большей проблемой стало описать его перерождение после освобождения в одну из главных фигур в бизнесе послевоенной Америки. Каждый партнер, конкурент или сотрудник Зигги, опрошенный для этой книги, жаждал поделиться своей любимой историей о нем, и каждая из этих поразительных, часто забавных, а порой шокирующих историй добавляла свои штрихи к портрету сложного человека, для которого ценность жизни была в том, чтобы осуществлять неосуществимые мечты и побеждать непобедимых врагов.

Зигги не боялся никого; для него не существовало слишком опасных соперников. Например, когда Совет управляющих Федеральной резервной системы — центральной банковской системы правительства США — обязал его избавиться либо от нефтегазовой компании, либо от банка, Зигги подал в суд, став первым в истории человеком, решившим судиться с Федеральной резервной системой. Выиграть эту войну он не мог, но его обуревало стремление вести праведные битвы. Прошло уже полвека, а этот примечательный случай до сих пор проходят в юридических вузах.

В жизни Зигги многое объяснялось тем, что он пережил Холокост. Однако в неудержимом стремлении бывшего узника и иммигранта забыть о горьком прошлом и построить лучшее будущее можно найти универсальный, вдохновляющий и подлинно гуманистический смысл.

1

ОБЕЩАНИЯ

Утром 12 декабря 1947 года, когда начиналась одна из самых холодных зим в истории Америки, пассажиры океанского лайнера «Марин Флетчер» высыпали на палубу поглядеть на статую Свободы, которая встречает прибывающие корабли, воздевая факел свободы на тридцать метров в небо. «Жизнь в Америке прекрасна, — пели они, взявшись за руки, — цветы здесь красивее, жизнь намного легче...» Пароходу водоизмещением 36 600 тонн потребовалось тринадцать дней на маршрут из немецкого Бремерхафена.

Двадцатиоднолетний Зигберт Вильциг страдал от головокружения и тошноты и за две недели океанского путешествия сильно потерял в весе. Услышав возгласы радости, он с трудом выбрался на верхнюю палубу и сделал глубокий вдох. Свежий воздух был настоящим облегчением после дурных запахов, неизбежных в условиях переполненной людьми нижней палубы. Зима соткала за статуей Свободы серебряную сеть из снега и облаков; ни одного здания не было видно, и в утренней дымке все его внимание приковывала зеленоватая, начавшая окисляться Свобода. Двигатели «Марин Флетчер» продолжали работать, и палуба под его ногами пульсировала и гудела. Статистика, собранная после освобождения, показывала, что практически все евреи, отправленные в Освенцим, умирали в течение четырех месяцев. Но он был жив и попал в Америку — после почти двух лет, проведенных в этом концентрационном лагере.

Пароходы были слишком велики, чтобы бросить якорь на острове Эллис, так что портовые огни указали «Марин Флетчер» путь к причалу в миле от него — в проливе Веррацано-Нарроус. К левому борту швартовались паромы, забирали пассажиров и их поношенные чемоданы и доставляли на остров Эллис, где оформлялась процедура иммиграции.

Зигберт был молод, но годы в концентрационном лагере научили его, что часто внешний вид может стать вопросом жизни и смерти. После освобождения он заработал немного денег и приобрел модную фетровую шляпу, зимнее пальто и строгие брюки, что помогло ему войти в офис миграционной службы с достоинством, несмотря на изматывающее путешествие через Атлантический океан. Окна в одноэтажном зале прибытия были закрыты из-за зимнего мороза. Трехлопастные металлические вентиляторы, прикрученные к деревянным стенам, гнали зловонный воздух. Зал украшали застекленные портреты американских президентов. Зигберт приостановился, чтобы изучить собственное отражение и так причесать густые черные волосы, напоминавшие львиную гриву, чтобы добавить лишний дюйм к своему скромному росту.

Сотрудники миграционной службы увидели в его паспорте пометку об особом правительственном статусе, которую он получил благодаря работе на Службу военной контрразведки США, и сразу же его пропустили. Зигберт — позднее сменивший имя на Зигги Берт Вильциг, посчитав такой вариант менее европейским и более удобным для произношения, — взглянул на толпу собравшихся за деревянным барьером, который отделял Америку от остального мира. Там оставалась его старшая сестра Дженни, которая больше других родственников напоминала их любимую покойную мать. Увидев сестру, он сразу

вспомнил весну 1936 года, когда ему, Дженни и другим членам семьи пришлось бежать от нападения антисемитов из Кроянки в Западной Пруссии². Когда сгустились сумерки, семейство Вильциг забралось в полувагон и отправилось в Берлин, где родственники устроили их в трехэтажном доме на Георгенкирхплац рядом с большой площадью Александерплац.

Когда семья устроилась на новом месте, Зигберт одолжил велосипед брата Эрвина и стал ездить по Берлину. Прислушиваясь к разговорам в кафе, он узнал, что некоторым удавалось уехать из Европы, обзаведясь выездными визами. Зигберт посетил с десятков консульств в поисках черных ходов и открытых окон, через которые можно было бы украсть необходимые документы. В одном консульстве он видел, как женщина на последних неделях беременности прорвалась через полицейское оцепление и вбежала внутрь. Консульства были островками безопасности, не подчиняясь германскому праву, и родившийся там ребенок мог свободно эмигрировать. Эта женщина отчаянно хотела спасти свое дитя, даже если для этого нужно было рожать в общественном туалете.

За несколько следующих недель Зигберт, рискуя жизнью, залезал на стены посольств, вламывался в конторы и собирал резиновые печати. При помощи украденных инструментов ему удалось подделать три визы. Две из них он предложил родителям, но его мать Софи отказалась. «Здесь я родилась, — сказала она, — здесь я и умру». Ее визу Зигберт отдал старшему брату Джо, которому удалось освободиться из концентрационного лагеря Дахау. Зигберт понимал, что Джо уже обречен и ему нужно покинуть Германию как можно быстрее. В юности Джо был боксером, и, судя по некоторым письмам из архива Вильцигов, Зигберт мог написать в визовой анкете, что виза выдана «для участия в спортивных состязаниях».

Его сестра Дженни была беременна, и Зигберт настоял, чтобы они с мужем, которого тоже звали Джо, приняли две оставшиеся визы. 10 июня 1940 года, когда гитлеровские войска маршировали по Франции, Бельгии и Нидерландам, Дженни и Джо уехали из Германии и поселились в Шанхае. Из Китая они впоследствии переехали в Доминиканскую Республику, где оказались среди восьмисот евреев, которым было предоставлено временное жилье в городе Сосуа на севере страны, и сводили концы с концами, заведя молочную ферму.

Среди английских книг и журналов, продававшихся в убогих магазинах Сосуа, Дженни обнаружила экземпляр американского справочника «Желтые страницы» (Yellow Pages). Она купила его за три доллара и стала искать названия ювелирных магазинов, рассчитывая, что ювелиры будут достаточно состоятельны, чтобы предоставить гарантийное письмо о финансовой поддержке для нее и мужа. В разделе «Ювелиры Род-Айленда» она нашла еврейскую фамилию Сильверман и отправила письмо с изложением их ситуации. Через несколько недель был получен благоприятный ответ от господина Сильвермана, который согласился предоставить необходимые документы, так что вскоре Дженни и Джо уехали в Соединенные Штаты.

Воссоединившись с Зигбертом в Америке, Дженни сообщила ему трагическую новость: их пятилетняя дочь Маргит умерла от оспы еще в Шанхае, до переезда в Доминиканскую Республику. Зигберт вспомнил, как умирали сотни других детей, как их загоняли в газовые камеры и сжигали их мертвые тела в печах крематориев, и мысленно провел переключку своей семьи³. Он был жив. Дженни и ее муж были живы. Их братья Джозеф и Эрвин тоже смогли спастись. Все остальные погибли, включая четырех других братьев и

сестер и их детей. В последующие годы он посчитал точнее: погибли пятьдесят девять членов их семьи.

В потайном кармане чемоданчика Зигберт спрятал двести сорок долларов. Порывшись в кармашке, он вынул оттуда сорок долларов и бережно передал в руки Дженни, наказав купить на них билет на автобус, посетить мистера Сильвермана из Род-Айленда и выразить личную благодарность человеку, который помог ей попасть в Америку. Дженни попыталась отказаться от подарка, говоря, что у нее есть и собственные деньги, но Зигберт настоял, чтобы она взяла эти сорок долларов и навестила своего благодетеля. Благодарность — это отличительная черта вежливых людей, особенно евреев, которым повезло попасть в Америку благодаря помощи других.

В течение двух лет после переезда Дженни и Джо в Америку она нашла работу на фабрике на Лоример-стрит в Уильямсбурге, полном беженцев районе Бруклина. На сборочной линии по производству галстуков-бабочек Дженни работала «переворачивательницей». Она получала открытые с одной стороны шелковые галстуки, вставляла под шов металлическую стрелочку, похожую на автомобильную антенну, и выворачивала бабочки наизнанку. Когда шов был готов, она металлическим прутиком выворачивала бабочку обратно, тем самым скрывая стежок. Такова была ее работа: шесть дней в неделю, двенадцать часов в день.

У иммиграционного отдела Зигберта встречала и представительница ХИАС — Общества помощи еврейским иммигрантам (Hebrew Immigrant Aid Society, HIAS), которую можно было легко опознать по белому эмалированному значку в петлице жакетки и темно-синей нарукавной повязке. ХИАС существовало с 1881 года, но никогда еще им не приходилось проявлять такую активность в деле приема и обустройства

еврейских иммигрантов, как после Второй мировой войны. «Окончательного решения» — нацистского плана по искоренению еврейской нации — удалось избежать 150 тысячам беженцев. Теперь они направлялись в Америку, и всем им нужно было где-то жить. Сотрудница ХИАС объяснила, что им удалось найти для Зигберта бесплатную комнату в отеле «Марсель» в Гарлеме на первые несколько месяцев. Его сестра Дженни предлагала ему пожить с ней, но перспектива жить отдельно манила Зигберта больше, чем делить скромную квартирку с сестрой. Он только что прибыл в Америку — и здесь он будет выдвигать свои условия. Он поцеловал сестру на прощание и обещал позвонить сразу, как только обустроится.

Он вышел из здания иммиграционного центра и попал в самую ужасную снежную бурю за много лет. Сев на паром, он вскоре прибыл на Манхэттен. Буря так усилилась, что волонтерам ХИАС пришлось воспользоваться санями, чтобы перевозить чемоданы от дока к ожидающим автобусам. Зигберт сел в автобус компании «Грейхаунд» и часом позже сошел на углу Бродвея и 103-й улицы, где располагался отель «Марсель». После кризиса фондового рынка 1929 года одиннадцатизэтажный отель в стиле бозар⁴, построенный из кирпича и известняка и увенчанный наклонной мансардной крышей, потерял значительную часть своей привлекательности. Ныне сорокалетнее здание стало обветшавшим перевалочным пунктом для беженцев.

Осмотревшись в вестибюле, Зигберт увидел залы переговоров, пространство для отдыха, комнату для медосмотра и кошерную столовую: подававшаяся здесь еда соответствовала диетическим требованиям иудаизма. В вестибюле одновременно разговаривали на десятке языков. Он подошел к доске объявлений и прочел предложения для иммигрантов о бесплатных уроках английского языка и сеансах фильмов, которые

помогут им сориентироваться в жизни в Америке. В углу вестибюля висела огромная карта США, а рядом большими буквами было написано: «ВОТ ТАК ВЫГЛЯДИТ АМЕРИКА». К стене были прикреплены фотографии с городскими видами; ленточки от них вели к соответствующим местам на карте. Он видел, как прибывающие выстраиваются в очередь перед столом, где волонтеры распределяли платья и костюмы. Затем новоприбывших сопровождали в их номера. Многие из них впервые за долгие годы могли держать в кармане ключ от собственного жилья⁵.

Зигберт выглянул из окна и увидел торопящихся домой пешеходов, которых слепил снег. Возбуждение, охватившее его от приезда в Америку, отступило: его место начала занимать суровая реальность.

«И что теперь?» — подумал он. У него не было ничего: ни ресурсов, ни связей. Он говорил с сильным немецким акцентом, окончил только начальную школу, имел рост 157 сантиметров и никак не мог забыть годы пыток и голода. Но он был здесь, все еще дышал и смотрел из окна на покрытые снегом улицы Нью-Йорка. По сравнению с прошлым он очутился в раю. Поездка на автобусе в Гарлем с острова Эллис была раем. Районные магазинчики, жилые небоскребы, грузовики с пивом — все это было раем. Комната с неприятным запахом в переполненном отеле с тараканами, бегающими по обшарпанному деревянному полу, сильный снегопад за окном, двести долларов, остававшиеся у него в кармане и грозившие быстро закончиться, если он не найдет работу, — все это было раем. На улице у отеля усталые пешеходы боролись с сильным ветром и высокими сугробами, что вызывало у Зигберта неприятные воспоминания о других суровых бурях, когда умирающие от голода мужчины и женщины плелись вперед в маршах смерти, одетые лишь в тонкие

лагерные роботы. Транспорт на нью-йоркских улицах стоял в пробках, водители постоянно гудели в клаксоны, нетерпеливо стремясь добраться до места назначения. Даже 21-летнему иностранцу вроде Зигберта было очевидно, что американцы, никогда не сталкивавшиеся с концентрационными лагерями, были во всех смыслах живыми людьми, целеустремленно двигавшимися к будущему и имевшими о нем довольно ясное представление. Это ему нравилось. Он тоже может стать таким: хвататься за возможности и не позволять тьме прошлого лишить его светлого будущего.

В этот критический момент своей новой жизни Зигберт дал себе три обещания. Во-первых, он никогда больше не будет голодать. Во-вторых, он женится на еврейской женщине, они заведут детей — новых евреев. В-третьих, он сохранит память о Холокосте и никогда не будет молчать, столкнувшись с несправедливостью. Иллюзий по поводу этих обещаний он не испытывал. Он понимал, что не сможет изменить мир, что антисемитизм никуда не денется и евреев всегда будут преследовать. Это был обычный порядок вещей. Но Всемогущий уже спас его, и теперь ему необходимо было свести воедино те куски, на которые распалась его жизнь, и возвести из них здание пока еще непонятных размеров и формы.

Глядя вниз из окна своего номера в отеле «Марсель», Зигберт вспоминал об обещании, которое дал после освобождения. Его лучшим другом в Освенциме был молодой парень шестью годами его старше по имени Лотар Нартельски. Зигберт обещал Лотару, что, добравшись до Америки, навестит его родителей. Судьба Лотара была печальной. Он родился с одной ногой слегка короче другой и при ходьбе прихрамывал — в 1932 году этого оказалось достаточно, чтобы отказать ему в выездной визе вместе с родителями,

поскольку тогда в большинстве государств отказывались принимать беженцев с физическими повреждениями, которые не могли работать. У родителей Лотара не было выбора: если они хотели спасти ребенка, им нужно было покинуть Германию и попытаться устроить для него какую-нибудь визу. Чета Нартельски препоручила Лотара заботам другой семьи, порыдала над его будущим и спешно заказала билеты на пароход в Америку. В какой-то момент, уже в Нью-Йорке, Нартельски сменили фамилию на Нартель и переехали в дом в Бронксе — в нескольких станциях метро от гостиницы «Марсель».

Сотрудник ХИАС в гостиничном вестибюле объяснил Зигберту, как работает система нью-йоркского метро. Он застегнул пальто на все пуговицы, чтобы как-то спастись от холода, дошел до ближайшего входа в метро, опустил пятицентовик в деревянный турникет, сел на подошедший поезд и доехал до конечной станции ветки — Ван-Кортландт-парк. Найдя дом Нартелей, он постучался. Ему открыла Кэти, жена Джейкоба Нартеля. Нартели знали о Зигберте из писем сыну, и, когда он представился, Кэти закричала: «О боже, Джейкоб! Это Зигберт! Он здесь!»

«В те дни люди все еще открывали двери незнакомцам, — вспоминал Зигги в одном из интервью. — У Нартелей была небольшая квартира с тремя спальнями, сиявшая чистотой, как это принято у немецких евреев. Отец Лотара Джейкоб продавал галстуки. Он делал это повсюду: в парикмахерских, в обувных магазинах, три галстука там, пять сям, дюжину еще где-то. Увидев меня, они были поражены, но какой же потрясающий был ужин! Они хотели знать все: что случилось, как выжил их сын, как уцелел я».

Зигберт до того вечера еще никому не рассказывал свою историю. Что могли понять Нартели или кто угодно еще в рассказе о концентрационных лагерях, о

вшах и грязи, о пытках, голоде и горах мертвых тел? Барьер в понимании между теми, кто был в лагерях, и теми, кто этого избежал, был непреодолим. В 1940-х годах люди привыкли к фильмам о войне — Голливуд разрабатывал эту тему уже много лет, но у всех фильмов были начало, середина и конец. А для тех, кто пережил Холокост, «конца» не было. Однако Зигберт пообещал Лотару, чья виза была еще не готова, что найдет его родителей и расскажет обо всем, — и вот он рассказывал. Они должны были узнать.

Как и много лет спустя для фонда Стивена Спилберга Shoah Foundation⁶ — крупнейшего архива воспоминаний выживших — и на десятках лекций для других организаций, которые он читал всю жизнь, он проглотил боль и стал рассказывать свою историю.

² Ныне город Краенка в Польше. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

³ Узников, отобранных для уничтожения в Освенциме, заставляли раздеться догола, запирали в газовые камеры и умерщвляли газом «циклон-Б». После убийства уборщики из числа заключенных вытаскивали трупы из газовых камер, отрезали женщинам волосы для набивки матрасов, щипцами вырывали золотые зубы и сжигали тела в ямах и печах крематориев. Пепел использовался для удобрений или просто выбрасывался.

⁴ Бозар — стиль архитектурного историзма, распространенный на рубеже XIX–XX вв. и продолжавший традиции Ренессанса и барокко. — *Прим. пер.*

⁵ *Helmreich*. P. 29–31.

⁶ Шоа — ивритское название Холокоста. Основанный Стивеном Спилбергом в 1994 г. «Фонд визуальной истории переживших Шоа» — некоммерческая организация, занимающаяся проведением аудиовизуальных интервью с теми, кто пережил Холокост или был его свидетелем. Сейчас организация располагается в Университете Южной Каролины и известна как Shoah Foundation.

«СДЕЛАЕМ ЕВРЕЙСКИЙ ФАРШ»

Зигберт Вильциг родился 11 марта 1926 года и был седьмым из восьми детей Софии Зоммерфельд и Исидора Вильцига, проживавших в городке Кроянке в Западной Пруссии в Германии. Родители Зигберта получили начальное образование в местной светской школе. Исидор был улыбчивым, красивым мужчиной с хорошим чувством юмора и любил читать газеты. Его жена София предпочитала книги. Когда Зигберту было пять лет, мать высказала ему свои ожидания: мальчик должен был хорошо учиться в школе и всегда соблюдать кашрут.

Как и другие еврейские семейства в Кроянке, Вильциги скорее бы остались голодными, чем согласились съесть некошерную пищу или заниматься делами в шабат. Если, например, клиент стучал в дверь местного ювелира в пятницу после захода солнца, то есть когда уже начался шабат, ювелир не открывал, даже если бизнес всю неделю шел неудачно.

Помимо обычной школы, Зигберт дважды в неделю посещал занятия в хедере — религиозной школе, где местный раввин обучал детей основам иудаизма и иврита.

Родной город Зигберта находился почти на самой восточной границе Германии — километрах в пятнадцати от полосы земли, именуемой Польским коридором. Этот коридор был отрезан от Германии по итогам Первой мировой войны в соответствии с положениями Версальского мира, ампутировавшего у Германии 13 % ее территории. Эта уступка германской

земли полякам вызвала в Кроянке презрение к полякам как среди евреев, так и неевреев. Жители Кроянке обвиняли поляков и в растущей бедности городка: изменение границы привело к оскудению торговли. 3500 жителей городка работали на немногочисленных оставшихся предприятиях: фабриках одежды, красильных фабриках, пивоварнях, в гончарных мастерских, а также на кирпичном и черепичном заводах. Отец Зигберта Исидор покупал и продавал металлолом и овчину — этого хватало на скромную жизнь в городке, в котором стоимость недвижимости была одной из самых низких в Германии.

С ранних лет Зигберт привык действовать с замечательной уверенностью. Когда ему было шесть и он только начал ходить в школу, христианские мальчишки из деревни прокричали ему в лицо: «Убирайся в Палестину, *du kleine Jude Schweinehund!* Еврейский выродок!» Он посмотрел прямо на них и закричал в ответ: «Вы христиане, так убирайтесь в Рим!» — и убежал по грязным дорогам, петляя между домами и парикмахерскими, и добрался до леса, прежде чем его смогли догнать.

В рабочие дни он часто трусил рядом с деревянной повозкой своего отца Исидора по дороге на соседние фермы. Его возмущало, когда невежественные, полные ненависти фермеры высмеивали его отца и заставляли давать более высокую цену за металлолом и овчину только потому, что тот был евреем. Однажды Зигберт с отцом остановились у фермы километрах в восьми от городка. Рядом со старым деревянным амбаром стоял фермер и смотрел на них. У его ног была стопка овечьих шкур на продажу. Пока Исидор торговался с фермером по поводу цены на шкуры, Зигберт подошел ближе к амбару и заглянул в открытое окно. Он увидел, что сыновья фермера забивают там свиней, разделявают

туши на куски и кладут конечности и внутренние органы в мясорубку высотой им по пояс. Зигберт допустил ошибку, решив зайти в амбар, чтобы посмотреть поближе. Сыновья фермера увидели его, схватили, подняли за ноги и стали раскачивать над зазубренным лезвием мясорубки. «Сейчас сделаем еврейский фарш», — смеялись они. Когда Зигберта наконец поставили на пол, он с плачем выбежал из амбара.

С этого времени Зигберт избегал детей и подростков и старался водить компанию со взрослыми. Когда занятия в школе заканчивались, он отправлялся по магазинам и трактирам Кроянке, где мужчины и женщины общались, вели дела и разговаривали о взрослых проблемах. Он наблюдал за их карточными играми и учился судить по их лицам и жестам, у кого карты хорошие, а у кого не особенно. Мать научила его тому, что сама знала о взрослой жизни, например «никогда не занимать деньги у бедняка», и называла его настоящим пронырой за тот интерес, который он проявлял к взрослой жизни. Деревенские мальчишки в выражениях не стеснялись и за то, что он все время совал нос в дела взрослых, звали его помойной хрюшкой.

Несмотря на все сложности, многие евреи, в том числе и Вильциги, гордились тем, что их семьи столетиями живут в Германии. Вильциги обитали в стране на протяжении более шести поколений; отец Зигберта, как и другие евреи в этом регионе, во время Первой мировой войны был солдатом и считал себя в первую очередь германцем, а уж затем евреем. Все изменилось после прихода к власти Гитлера в 1932 году. Раввин Лео Бек, выступая в 1933 году на конгрессе еврейских организаций, заявил: «Тысячелетняя история германского еврейства близится к концу»². В небольших

городках и деревнях немецкие евреи больше не могли игнорировать нарастающую угрозу нацизма.

В 1936 году для евреев вести дела в Кроянке стало невозможно. Ненавистники евреев распространяли слухи о том, что тот или другой еврей позволил себе антинацистские замечания, и такие доносы были для мэрии достаточным основанием, чтобы отобрать у еврея бизнес. Вильциги бежали в Берлин: ходили слухи, что евреи все еще могут продержаться в немецкой столице. Вскоре там должны были пройти Олимпийские игры, и под пристальным вниманием всего мира и зарубежной прессы берлинцы, как бы они ни ненавидели евреев, должны были вести себя смирно.

Сначала дела Вильцигов после переезда в Берлин действительно пошли в гору: они стали торговать одеждой. Зигберт посещал начальную школу, где училось 1500 еврейских детей. После школы он два года ходил в ремесленное училище. Все изменилось, когда германское правительство стало ограничивать евреев во всех аспектах частной и общественной жизни. С 1936 года еврейским детям было запрещено посещать школу, так что образование Зигберта внезапно подошло к концу. Бизнес у евреев отобрали или просто закрыли, а еврейских мужчин начали направлять на принудительные работы на заводы и фабрики.

К 1938 году большинство мужчин, способных носить оружие, уже состояло в германской армии. Оставшихся в промышленности было явно недостаточно, чтобы удовлетворить потребности той самой армии. Полиция отлавливала всех, кого могла, и старых и молодых, отправляла их на рабский труд на фабриках и заводах и накладывала серьезные наказания за отсутствие на работе или невыполнение плана.

В 1943 году шестнадцатилетний Зигберт был на ночной смене на ламповом заводе Вебера, когда в цех

вошел офицер и арестовал его. На офицере была коричневая шерстяная куртка с деревянными пуговицами — стандартная униформа обычной полиции, а не черная одежда с блестящими медными пуговицами, какую носили эсэсовцы, работники гитлеровской тайной полиции. По своему опыту Зигберт знал, что большинство полицейских не были членами нацистской партии, так что этот парень, вероятно, был обычным полицейским, который просто делал свою работу. Кроме того, как решил Зигберт, если бы это был офицер СС, он отвез бы Зигберта в полицейский участок на легковой машине. А они поехали на грузовике — по пустым улицам мимо темных зданий.

«Я не хочу в тебя стрелять, — сказал полицейский. — Но если ты попытаешься убежать, мне придется».

«Хорошо, слово чести, — ответил Зигберт. — Ты можешь делать со мной все, что тебе нужно. Стрелять тебе не придется. Я буду сидеть здесь, рядом с тобой». Он протянул полицейскому свою грязную руку, и тот пожал ее. Руки Зигберта были грязными после трудового дня. Ламповая фабрика Вебера больше не делала лампы. Мощности переоборудовали под производство оружия, которое требовалось германской армии на войне.

В течение двух предыдущих лет Зигберт работал по шесть дней в неделю по двенадцать часов в день. Половину месяца у него была дневная смена, вторую половину — ночная. По большей части на заводе делали алюминиевые оболочки для бомб, которые поставлялись в Африку в армию фельдмаршала Роммеля⁸. Работа Зигберта заключалась в том, чтобы крепить оболочки мин на моторизованное колесо, которое вращалось, как вертикальный токарный станок. Когда оболочка поворачивалась, Зигберт вдавливал твердый стальной резец в металлическую поверхность оболочки, проделывая желобки. Из-под резца вырывались острые

спиральные опилки, и иногда, чтобы замедлить работу, он бросал пригоршню опилок в отверстие, где станок смазывался маслом, чего порой было достаточно, чтобы сжечь мотор. При этом нужно было быть очень осторожным: если бы это заметил рабочий-нееврей, на него бы донесли.

Зигберт предположил, что это и могло быть причиной ареста. Симпатичная немка-христианка, работавшая рядом с ним, определенно знала, чем он порой занимается. Но он надеялся, что донесла на него не она: порой она оставляла ему немного хлеба в бумажном пакете и, как он хотел верить, флиртовала с ним — обычные фантазии шестнадцатилетнего подростка о романе с женщиной вдвое старше его. До того как начать работать на фабрике Вебера, он был знаком с красивой девушкой по имени Мариан, чья семья жила в модном пригороде Берлина Шарлоттенбурге. Раз в месяц днем в воскресенье Зигберт и Мариан проводили время вдвоем в уголке местного еврейского кладбища, где никто не мог бы их обнаружить. Потом он подумал и о другой девушке, которая работала рядом с ним на фабрике Вебера, всегда смотрела на него с обожанием и всегда носила темно-зеленое пальто. Однако сейчас было не время думать о девушках.

Полицейский наклонился к нему и прошептал: «На тебя есть данные».

Какие данные? Зигберт не мог понять. Сведения о нарушениях, содержащиеся в полицейском участке, в 1943 году были достаточным основанием для депортации еврея из Берлина. Тут он вспомнил, что пятью годами раньше, когда ему было одиннадцать, его застали выходящим из кинотеатра. Евреям запрещалось посещать подобные публичные заведения. В то время фильмы с Ширли Темпл собирали в кинотеатрах настоящие толпы. Немцы особенно полюбили

светловолосую голубоглазую американскую чудо-девочку. Немецкие производители игрушек продавали коллекционные куклы Ширли Темпл. Табачная компания Ross Verlag предлагала «бонусные карточки» с Ширли Темпл в каждой пачке сигарет Zuban. Зигберт не особенно интересовался Ширли Темпл, но перед каждым сеансом в кинотеатрах крутили выпуски новостей, а их стоило посмотреть. В новостях рассказывалось, что происходит в остальном мире, а чем больше он будет знать об остальном мире, тем выше его шансы на спасение.

Зигберт нашел способ попадать в кинотеатры. Вместо того чтобы вышить желтую звезду Давида на куртке, как предписывалось всем евреям законом, он прикалывал ее булавкой, так что при покупке билета просто откреплял ее от одежды. После сеанса он снова прикалывал звезду, перед тем как выйти из здания, но в тот раз полиция поджидала прямо у кинотеатра и видела его манипуляции. Один полицейский подозвал его, осмотрел звезду и укололся булавкой. Хотя Зигберт был еще слишком мал, чтобы удерживать его надолго, и вскоре был отпущен домой, этот инцидент был занесен в полицейские протоколы. И вот сейчас он вновь был арестован, сидел в грузовике, представлял себе, как нацисты его убьют, и думал, не отправят ли его в одном из тех вагонов для скота, о которых шептались уже многие. За несколько лет до этого, когда полиция взялась за евреев, полицейские явились к ним на квартиру. Они увидели на стене гостиной медаль, полученную его отцом Исидором Вильцигом за Первую мировую войну, и молча удалились: с героями войны, даже с евреями, нужно было считаться. Но это произошло до «Хрустальной ночи» (Kristallnacht) в ноябре 1938 года, когда нацисты разгромили витрины еврейских магазинов, сожгли синагоги и арестовали 30 тысяч еврейских мужчин, включая старшего брата